

*Александр Щелкин,
проф., Социологический ин-т РАН*

Берегите цивилизацию от ... социологов.

Или история о том, как я спорил с проф. Козловским

Не знаю, как другие, но автор этих строк, берясь написать предлагаемый материал для «Телескопа», руководствовался настроением, из которого едва ли стоило бы делать секрет. Во-1-х, в журнале с таким названием печатались, Пушкин, Тютчев, Белинский и человек самой бескомпромиссной социальной идеи о России — Петр Чаадаев. Его первое «Философское письмо» — стало пороховым складом русского Просвещения. «Давно это было. Кажется, в прошлый четверг»: Москва — Петербург, 1836. От того «Телескопа» веет дымом отечества — дымом ещё свежим, теплым и неразвеянным. Во-2-х, приглядываясь с некоторых пор к нашему «Телескопу», заметил за ним одно свойство. В нем много материалов, написанных в открытой, искренней, чуть ли ни исповедальной, а потому по-интеллигентски беззащитной форме.

Политика публикаций в других российских журналах нашего профиля сегодня — совсем другая. Предоставленные сами себе и при том уровне общей культуры, который есть, как он есть, господа редакторы руководствуются довольно неприхотливым, но удобным критерием при отборе материала, когда всему находится место — всему кроме истовой заботе о качестве социологического мышления сегодня. Впрочем, писать именно об этом — занятие пустое: шансов быть истолкованным вкривь и вкось гораздо больше, чем рассчитывать на ту озабоченность, по поводу которой только что пришлось высказаться.

Поэтому — в «Телескопе», в 2010 году от Р.Х. и в самом бодром и неунывающем состоянии духа — поговорим о том, что случилось с нашей социологией в эпоху, для которой не придумали лучшего названия, как «эпоха постмодернизма».

Случай подвернулся, естественно, сам собой. Многоуважаемый профессор В. Козловский (Социологический институт РАН) взялся за исследование темы, которую для простоты можно обозначить как «Российская цивилизация сегодня». Более счастливого стечения обстоятельств для российской социологии, кажется, не придумать. Россия — страна с непредсказуемым прошлым и к своему будущему продвигающаяся самым парадоксальным путем — возвращением к тому, от чего сама же и отказывается (скажем, как в случае необходимости определиться с европейскими институтами и стандартами в области рынка и демократии). Не о таком ли объекте-предмете может мечтать ум ученого, когда от одного прикосновения к такой субстанции начинается самая что ни на есть творческая самоотдача исследователя. И то правда, в «самоотдаче» предмету научной страсти, а не в изнасиловании этого предмета с помощью «собственных», «готовых к употреблению» и очень, возможно, «модных» представлений только и можно получить доступ к природе, а значит, и нереализованным возможностям объекта исследования. В нашем случае к России — России не просто как любому состоянию или неведома куда текущему процессу, а России «как цивилизации».

Наш спор с проф. Козловским, конечно, детективной кровожадностью не отличается, но и банальным его не назовешь. Спор этот начинается как бы еще до спора. А как может быть иначе, если уважаемый профессор долго находясь, как говорят китайцы, «в лесу категорий», по-видимому, продолжает считать, что это якобы и есть настоящий лес. Такое бывает часто. Это вообще, похоже, вечная история. Даже не столько долгое, сколько подострастное, упоительное, а значит, некритическое отношение к «научному» аппарату часто делает социолога жертвой, выражаясь по-гётевски, «серой» теории. А сегодня эти теории совсем «серыми» даже не назовёшь. Всё они довольно живописные, экстравагантные, поданные по всем законам «дивертисментологии». Гуру и

антрепренёров от социологии сегодня хоть пруд пруди. Каждый норовит оставить после себя яркий «образ», замысловато-парадоксальную «категорию», а лучше всего, «закон» имени самого себя. Под натиском этих хорошо упакованных моделей-парадигм чаще всего очень быстро сдаётся девственное сознание аспирантов. Но и средний труженик социологической науки часто не тот герой, чтобы отстаивать автономию своего социологического сознания и вдохновляться сверхзадачей Э. Гуссерля «Назад к самим вещам! — Zu den Sachen selbst!». Конечно, всякий критический и живой ум, все-таки, не теряет контакта с «необозначенной реальностью», но и чеховский профессор Серебряков, пишущий книги по искусству, но самое искусство так и непочувствовавший, — совсем не выдумка и блажь русского писателя.

Считаю излишним говорить, что эти филиппики против «инструментом» надо понимать не как варварский скепсис в отношении значимости этих «средств познания» — особенно в своих высших, теоретических «формулировках», пусть даже, и — простите за сленг — в «упаковках»-«фантиках», а понимать всё это надо, прежде всего, как гамлетовскую «бдительность» против фетишизации данных «средств», которая (фетишизация) случается при подмене (qui pro quo) реальной жизни на модные картинки и образы этой самой реальности. Как сказал поэт: «У моей парижанки вид другой».

Впрочем, эти околичности внятно звучат и будут иметь ценность, если мы вернемся на точку старта — с чего начался спор с проф. Козловским на тему российской цивилизации? Сразу же выскажу предположение, что если бы мой уважаемый оппонент горел бы нормальным чаадаевским желанием, узнать, почему так драматично и фатально складывается «цивилизационная история» с Россией, то набор познавательных инструментов был бы предопределен именно этим, повторюсь, нормальным желанием. Однако сегодня академическая социология в исполнении многих авторов скорее напоминает набор эксерсизов на тему «Посмотрите, как хорошо я ориентируюсь в самых последних социологических новинках!» Вот почему собственно и моя полемика с проф. Козловским с самого начала стал походить на спор людей, говорящих на разных языках.

Сейчас «неодинаковостью» или «разностью» языков никого в текущей социологии как раз и не удивить. Мало того, это обстоятельство вроде бы считается достоинством современной научной мысли: «Больше парадигм — хороших и разных!». Что тут против этого скажешь, если не хочешь прослыть ретроградом и догматиком. Ничего не скажешь. Одно плохо — под шумный аккомпанемент этого замечательного призыва идет нашествие банальностей. В результате имеем, скорее, не конкуренцию идей и самотворящий дискурс, а малопродуктивную, но самоуверенную, а точнее, рядящуюся под последнее слово в науке, эклектику. Кстати сказать, слово «эклектика» — самое модное и устойчивое в идейном словаре постмодернистского сознания.

Лично мне, однако, припоминается, что еще недавно считалось, что прогресс в научном знании идет совсем не через пандемию плюрализма «всего и вся», который чуть ли не фарсово взялся увековечить П. Фейерабенд со своим транспорантом «Everything goes» — Всё работает! Вообще-то прогресс в науке определяется в зависимости от того, насколько последующая теория или объяснительная схема могла бы включить предшествующую как частный случай, а значит, могла более универсально объяснять «природу вещей» на данном этапе. Настоящая эволюция знания отмечена всегда движением к универсальной, синоптической, всеохватывающей (comprehensive) методологии и такой же познавательной парадигме. Не этим ли можно объяснить возрастающий интерес к познавательному эффекту, который рождается на стыке разных наук (междисциплинарный тренд) и в кластерной зоне дисциплин, объединенных «сетевой», «синергетической», «холистской» и вообще «универсально-кибернетической» тематикой? В этом смысле наблюдаемая парадигмальная «мозаичность», характерная именно для теперешнего состояния нашего социологического знания, — это не конкурентная борьба за понимание Социума и места социологии в структуре этого Социума, а скорее, апофеоз какого-то «количественного» плюрализма «доктрин» и

«школ» и, совершенно равнодушного к природе целого, а вместе с этим, и к природе «единичного», так или иначе, имеющего всегда смысл в «контексте» этого целого. Как результат, знакомая картина: вот чуть ли не единственная забота среднестатистического социолога — к какой «научной» секте присоединиться и на что еще после очередного проекта бросить свой социологический глаз?

Вот так и живем! В нас, социологах, перестала говорить «природа вещей». Точнее так, «вещи» — сами по себе, а мы — сами по себе. В некоторых случаях это выглядит даже забавно. По поводу универсальной претензии Р. Коллинза на «ритуальную» парадигму социума так и хочется высказать предположение, что если и дальше научная мысль будет продуцировать такие «сильные» модели, то в пору пожелать, чтобы такие «концепты», говоря по-русски, не стали «ритуальными услугами», если не обществу, то социологии уж точно.

Когда я говорю проф. Козловскому о том, что подобная неприхотливость и неразборчивость в научных парадигмах, приводит к какой-то «равнодушной» социологии, для которой все кошки не только серы, но и одинаково ценны и что нормальная социология потому и нормальна, что несет в себе понятие и критерий «социальной нормы» и «нормального общества», — на всё на это проф. Козловский отвечает, что это, мол, «всё идеология». В первый момент после такого несколько легковесном заявлении об «идеологии», я снижаю планку дискуссии: ведь не объяснишь за одну минуту что в «идеологии» как типе социального сознания всегда просвечивает не только субъективно желаемое, но и объективно неизбежное, причем соотношение того и другого зависит от уровня и масштаба «социальности» субъекта. Именно так в серьезной социологической традиции и трактуется этот сюжет. Понятно, что имеется в виду традиция, которая воплощена в работах Г. Лукача, представителей франкфуртской школы в социологии, Ю. Хабермаса, а у нас Мих. Лифшица.

Продолжаю дискуссию с уважаемым профессором социологии с помощью наглядных примеров.

— Владимир Вячеславович! Вот взгляните. Есть авторы, и у них есть вроде бы серьезные сочинения. (Называю, что в первую очередь приходит на ум). А. Этциони — «Активное общество». Это про условия динамически стабильного и эффективного общества без утраты демократии и консенсуса. А еще, например, вот работа В. Федотовой «Хорошее общество». Да и вообще на Западе вдруг как будто бы опомнились — появилась целая серия работ про «Good society». Так что социология неотделима от понятия и критерия «нормы», «нормального», и никакой субъективности и субъективно-ценностного в связи с социальной «нормой» мы в социологии не вносим.

— Ничего подобного! «Норма» работает, например, в биологии, а в социологии «нормы», «прогрессивного», «разумного» как привилегированного объекта нет. Для социологии всё имеет статус просто «социального». Всё, что Вы говорите, Александр Георгиевич, старо, как Просвещение. Все «хорошие» идей просветителей закончились «тоталитаризмом». (Тут мой дорогой оппонент выдал набор хрестоматийных инвектив против французского Просвещения, которые с подачи Адорно и Хоркхаймера уже не первое десятилетие дрейфуют по течению, именуемым всё тем же «постмодернизмом». Во всем, мол, виноват Разум и стремление к разумному...)

«Здрасьте, приехали, — хотел сказать я, но не сказал. Как Разум вошел в этот мир? — Конечно, неразумным способом. Тема Разума, ясное дело, не для слабонервных. Известно ведь, что пьяный поп не портит идею Бога. А слабонервный человек при такой неприятной сцене сразу бросается чуть ли не в отчаяние и категорический атеизм. А, как говорится, зря. Потому что «abusus non tollit usum». — Злоупотребление не отменяет употребления! Пьяный поп действительно не портит идею Бога.

Впрочем, всего это я тоже не сказал. И совсем не потому, что кто знает, тот молчит. Впереди было много поводов для удивления. Надо было побереечь силы. Впереди предстояло не то что испытание, а, можно сказать, истязание темой «цивилизации».

Сектор под руководством проф. В. Козловского взялся за исследование именно этой темы, уже для краткости названной «Россия как цивилизация».

Цивилизация! При этом слове сердце русского думающего человека (социолог — тоже человек) бьется учащеннее, а взгляд отражает собранность и волю. Так думалось мне, по крайней мере, до тех пор, пока не убедился в обратном, иначе говоря, пока за дело не взялись специалисты, которые с равным воодушевлением готовы писать отчёты и выступать на конференциях — хоть о цивилизации, хоть о миграции, хоть о консюмеризме, хоть о фреймах повседневного опыта у И. Гофмана или хоть о конфигуративной социологии Н. Элиаса.

Итак, о «цивилизационности» России или в академической редакции — о «цивилизационной динамике российского общества». С чего начинают специалисты? Правильно: с последних исследований в мировой социологической литературе. И всё было бы хорошо, если бы дело этим и не заканчивалось. Моё возражение проф. Козловскому: «Классно! Читатели наших очень научных изысканий еще раз узнают сколько существует школ и теоретических подходов в современной социологии к цивилизационной проблематике, а до эмпирической России мы так и не дойдем, потому что не успеем дойти». Но по ходу дела выясняется, что если вдруг проф. В. Козловского всё же осенят те же догадки, то едва ли это сильно поможет выйти на цель. Дело в том, что «постмодернистская ловушка», в которой по собственной воле оказался уважаемый профессор, уже сама предопределяет выбор методологии цивилизационного анализа. Если опускать подробности, то выбор этот сделан в пользу модели «множественности цивилизаций». Слово «множественность» стало буквально паролем в Современность, так что Современность рассыпалась на мелкие осколки. Добро бы разбилось зеркало социологического сознания, и мир отразился бы мозаикой в этих осколках. Ничуть ни бывало. Речь идет о том, что каждый живет в своих современностях как в объективных реальностях. «Современностей», как и «цивилизаций» оказалось много.

Но не это самое главное. Удивляться приходится другому. Оказывается, «все» цивилизации равноценны! Ну и, понятно, суверенны! Уже одна их самобытность и жизнестойкость в пределах своего времени и пространства делает им входной билет в «клуб цивилизаций». Спрашиваю проф. Козловского: «Значит, всё есть цивилизация!? Куда ни ткни пальцем — всё цивилизация!?!» Проще говоря, намекаю почти на библейское: разве звезда от звезды разнится во славе. Да и вообще, бог леса, кажется, не ровнял. Может быть, не «всё есть цивилизация», может быть, есть и нечто, что не подпадает под «цивилизацию». Как ни крути, но «дикость», «варварство» и «цивилизация» — это реальность. И реальность не только диахронии Истории, но эмпирический факт синхронии Современности. В современности XXI века на земле всё еще живут наши «современники», которые пребывают в условиях варварского трибализма и даже племенной дикости. Про мрачный лик «децивилизации», которым в экстремальных случаях может обернуться всякая цивилизация, я уже не говорю. Надо же пощадить хрупкую душевную организацию моего «постмодернистского» коллеги. Всё ж таки мы не варвары какие-то. Как ни как цивилизованные люди: рассуждаем не о чем-нибудь — о ци-ви-ли-за-ции!

На всё на это уважаемый профессор, вроде как, молчит. Молчание знак согласия. Но вижу, что ему есть, что сказать. На моё ехидство у него, как у всех сторонников «множественности цивилизаций» есть убийственный аргумент.

— Вас, Александр Георгиевич, послушать, так можно договориться и до расизма и неполноценности отдельных народов, до оправдания колониализма и империализма. Всё это следствие «европоцентризма», который в современной социологии и культурологии, слава Богу, преодолен.

Ну, преодолен, так преодолен. Но мне как-то неймётся. Неужели полный релятивизм («Все состояния равноценны и всё есть цивилизация») — это адекватная социологическая методология и политическая стратегия для сегодняшнего мира? Ведь вроде бы известно

даже не со вчерашнего дня: «Релятивизм — это диалектика нетрезвых умов». Но насчёт «европоцентризма» — это, конечно, круто. Покруче, чем «Фауст» Гёте. *Nec plus ultra*. — Дальше некуда. Дальше как будто бы и говорить не о чем. А если хорошо прикинуть, то тут только разговор и начинается.

Дело, конечно, не в «европоцентризме» равно как и не в отрицании медицинского факта «множественности цивилизаций». Цивилизаций действительно не одна. Их много. Точнее, существуют несколько типов — в истории и современности. Можно ли их сравнивать по критерию нормы, эффективности, адаптивности, полноты, уровню гуманизации, объёму свободы, соотношения светского и религиозного и т. п.? Релятивисты (они же «постмодернисты» и «пост/структуралисты») отвечают на этот вопрос, скорее отрицательно, так как исходят из принципа самодостаточности и полноценности локальных цивилизаций.

Не буду тревожить прах Данилевского, Шпенглера, Сорокина, Тойнби — там дело не так просто, как кажется. Сошлюсь на структурного антрополога Леви-Стросса: «Человек всегда мыслил одинаково хорошо». Это надо понимать так. Для ориентации в собственных ситуациях на любом этапе развития культуры человек организован адекватно. Линейный прогресс — это, мол, в чистом виде грех европоцентризма и гегельянства. Сравнение цивилизаций между собой по критерию «прогресса» бессмысленно. Каждая цивилизация не хуже не лучше других, мы же просто разные! А европоцентризм и гегелевская идея Европы как кульминации духовной свободы — это род самонадеянности и нетерпимости к «киному». Вот так просто и красиво и даже похоже на правду, если бы не было большой и праздной ... глупостью. Давно замечено, что глупости бывают очень даже правдоподобны.

Европоцентризм — это действительно штука, которая может принять самую, что ни на есть, форму национализма и даже белого расизма. Такая перверсия может случиться не только в Европе, но и в любой другой «цивилизации», чуть не сказал — «на краю ойкумены»: в Африке — это идеология «негритюда» (о расовой исключительности негроафриканской цивилизации), в Латинской Америке — «нуэстро-американизм» (род латиноамерикоцентризма). «Европоцентризм» как термин уже сразу нагружен негативными коннотациями. Но в своем споре с проф. Козловским я специально не стал искать этому выражению альтернативу. Потому что современная теория цивилизации и самая современная цивилизация (да, такая формируется наряду с локальными, региональными, местными «цивилизациями») объективно ... «европоцентричны». Чуть ниже придется объясниться по поводу таких «радикалистских» заявлений, а пока достаточно сказать следующее.

Напомню для начала, что «радикал» тем отличается от «экстремиста», что первый смотрит «в корень» (отсюда и слово «радикал»), т.е. смотрит в «природу», а значит, и «норму» явления), а второй балансирует «на краю» и «природой» и «нормой» тут и не пахнет. Это, конечно, не главное в нашем споре. Это, так сказать, а ргорос. И еще одно а ргорос, одно соображение предварительного порядка. Откуда сегодня у социологов и вообще у представителей социальных наук такая тяга к феномену цивилизации, тяга к «цивилизационному анализу»? Вроде бы «цивилизация» — это широкое и светлое увлечение времен эпохи Просвещения и Романтизма, «времен очаковских и покоренья Крыма». С середины XIX столетия темой цивилизации более профессионально и серьезнее занимаются философы, но в большей степени историки. Социология и политические науки до цивилизационных обобщений, как правило, не поднимались. И вот с конца XX века, можно сказать, начался бум интереса к цивилизации по всему фронту социальных дисциплин. Проф. Козловский, скорее всего, скажет, что это связано с теми новыми возможностями, которая открывает ученым людям «постмодернистская парадигма» — мир под прицелом этой постмодернистской оптики раскрылся во всем своем блеске многообразия «децентрированного цивилизационного дискурса». Последнее переводить не буду: скоро этими формулами будут щеголять посетители старших групп в

детских садиках. Надо сказать, что за постмодернизмом в этом сюжете, есть действительно свои заслуги. Мир цивилизационно плюралистичен. И признание этого реального факта делает наше межцивилизационное общение более терпимым, уважительным и именно ... цивилизованным. Цивилизации, как и демократии, как говорится, не воюют. Иначе никакие это по сути, не цивилизации и не демократии. Но, сведя цивилизационную проблему, к идее «множественности цивилизаций», сторонники последней поставили крест на главном. Количественный аспект не перешел в качественный, более того, похоронил его. Качественные характеристики и претензии к цивилизации перестали как бы существовать. Почему? Повторюсь и напомним аргумент проф. Козловского: «Всё есть цивилизация». И Карфаген с его ритуально-религиозной практикой человеческих жертвоприношений во времена эллинизма и древнеримского мира, и иезуитское государство в Парагвае (1610-1768), затмившее по своей жестокой тоталитарности любую коммунистическую диктатуру, и — черт возьми — почему и не «третий рейх», собиравшийся вести счет своего существования на тысячелетия, и воинственный исламский фундаментализм, считающий себя истинным лицом мусульманской цивилизации, и само «общество потребления», в котором опасно искажены смыслы и ценности человеческой жизни. Почему бы и нет, если «всё есть цивилизация!» Всё по-своему самобытно, неповторимо, суверенно и обладает достоинством локальности, то есть избежало участи «единого», «линейного» и «нивелирующего» процесса всемирной истории...

Вот к каким каверзным вопросам поневоле приходишь, если некритично отдаешься постмодернистской моде в теме цивилизации. Поэтому следует поискать причины растущего интереса к цивилизации совсем не там, где они, похоже, представляются проф. Козловскому, а в прямо противоположном направлении. Мой ответ не оригинален. Человеческое сообщество, не идеализируя его успехи, как никогда подошло к возможности своего устроения именно на цивилизованных началах, как эти «цивилизированные начала» понимали в классическую эпоху Просвещения, то есть когда «цивилизация» понимается как нечто противоположное варварству и дикости. Поэтому не надо быть социологом, чтобы увидеть, как современное общество раз за разом вводит всё более высокие стандарты отношения людей к самим себе и природе. Как пример: отношение к старикам и детям, отношение к женщине, отношение к животным и вообще ко всему живому — это оселки цивилизации/культуры, которые человечество осваивает в отдельных случаях не по принуждению, а просвещенно — в кантовском смысле этого слова — то есть, чуть ли не по внутреннему убеждению, свободно. По-видимому, из этой возможности и потребности в цивилизованном существовании и идет перестройка ментальности в соответствующем направлении, равно как и растет научный и, хотелось бы думать, практический, массовый интерес теме цивилизации именно как цивилизации. Так что постмодернисты и их поклонники, хотя номинально присутствуют «в теме», но скорее периферийно, чем магистрально.

Список предварительных замечаний можно продолжить. Тема «множественности» локальных и суверенных цивилизаций коварна и в том отношении, о котором, похоже, её адепты (сиречь, и уважаемый проф. Козловский) даже не подозревают.

Дело в том, что постмодернисты (Лиотар, Делёз, Фуко, Деррида и др.) приписывают себе славу «могильщиков Разума». Разум как апофеоз всего рационального, обобщает, игнорирует «единичное», поэтому в теории и на практике «тоталитарен». Эпоха постмодерна — это де эпоха внимание к «отдельному», «особенному» самобытному», «непохожему на всё остальное», одним словом, почти как у романтиков. Но романтики — явление консервативное и в этом качестве не всегда бесполезное. Человеческая история иногда забегает в такие бесчеловечные дебри, что, слава Богу, что хоть романтики начеку. Примерно в этом плане можно сказать спасибо и постмодернистам. Но не более того. И вот почему.

Объявляя всякую «единичность», всякую «цивилизацию» как бы легитимной, лъстя каждому «своеобычному» состоянию социума «современностью» (теория «множества современностей»), мы, как это ни парадоксально, оказываем плохую услугу, этому «отдельному». Мы его как бы изолируем от контекста, в котором присутствует тренд Современности. Мы его как бы консервируем и предоставляем барахтаться в самом себе. Если это очаг действительно нового и жизнеспособного, то это «отдельное» не только выживет, но и станет «акцептором» альтернативы, площадкой, на которой идет разведка и моделирование будущего. А если это банальная девиация, сама себя изолирующая и усугубляющая, что довольно типично, — тогда как? Сильным геополитическим центрам, если в них не доминирует философия «цивилизации», философия «целого», философия «цивилизованного глобализма» (а именно такая ситуация характерна в мире в период с 1870 по 1950-ые годы), подобная постмодернистская модель современности прямо на руку: пускай стагнируют в своей «уникальности», сиречь, отсталости. Боюсь, по этой причине постмодернизм со своим потворством жизни, не подозревая об этом, банально империалистичен. Объективно многие цивилизации в XX как раз и не стремились к «такой» отличительности, «такой» уникальности, «такой» самобытности.

Вот «крик души» лучших сынов Индии, который шел в начале XX столетия с полуострова Индостан. В своей книге «Открытие Индии» Дж. Неру (1889 — 1964) пишет о том, что под воздействием буддизма, джайнизма и других индийских учения, "в некоторые периоды индийской истории наблюдалось широко распространенное бегство от жизни, например, когда много народу вступало в буддийские монастыри... В целом учение Будды, породило пессимистическое отношение к жизни" (Дж. Неру. Открытие Индии) То, что Дж. Неру увидел в наследии прошлого, на фоне энергично прогрессирующего западного мира, конечно, обескураживало: "Индийская жизнь превращается в вялотекущий поток, питаемый прошлым и медленно прокладывающий себе путь сквозь нагромождения мертвых веков. Тяжкое бремя прошлого подавляет ее, и ее охватывает какое-то оцепенение. Неудивительно, что, находясь в таком состоянии духовного паралича и физической усталости, Индия деградировала и осталась омертвелой и неподвижной в то время, когда другие страны двигались вперед" (Там же)

На рубеже XIX и XX веков, вплотную познакомившись с Западом и поняв, что главный источник технического и научного прогресса, экономической и политической динамики лежит в активной духовной позиции, другой выдающийся индийский мыслитель и общественный деятель Индии Вивекананда (1863- 1902) попытался, как мог, изменить ситуацию в своей стране. Вот с какими нелюбезными словами обращался он в 1897 году к своей нации: "Для нас не время умиляться! Мы так долго умилялись, что стали кипами хлопка. <...>То, что нужно нашей стране, это железные мускулы, стальные нервы и гигантская воля, которой ничто не может противостоять. <...> Почему нами, трехсотмиллионным народом, тысячи лет управляет какая-то горстка иностранцев? Потому, что у них была вера в себя, а мы в себя не верим. <...> Не англичане, а мы ответственны за свое падение. <...> Вот пробный камень истины: все, что расслабляет вас физически, умственно, духовно - все это отбросьте. Это яд. Жизнь не в этом. <...> Отбросьте ваш расслабляющий мистицизм и будьте сильными!" (Р. Роллан. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды).

Сравните рассерженность и гнев национальных лидеров «стран третьего мира» и цивилизационную неприхотливость постмодернистской социологии. Получается, что эта неприхотливость объективно не противоречит не только худшим аспектам современной глобализации (искушению «империализмом»), но интересам изоляционистски и консервативно настроенной национальной элиты многих немодернизированных стран... В марте 2009 года Международный суд в Гааге выдал ордер на арест суданского президента Омара аль-Башира за военные преступления в Дарфуре. Не надо обладать острым умом, чтобы догадаться, что обвиняемый готов до конца держаться на почве аргумента о *суверенности* и *особенности* «культуры»/«цивилизации» в этом регионе, склонного будто

бы периодически «самовпадать» в этнический геноцид. Преувеличение? Не знаю. Для постмодернистской ментальности «локальность» — это как бы настоящая, подлинная жизнь в противоположность общему порядку и большим нарративам. «Всё есть цивилизация!» Привет проф. Козловскому!

А теперь, дорогой читатель, если ты, не плюнув в сердцах, дочитал до этого места, автор должен крепко повиниться перед тобой. Причина издевательски простая. Всё это можно было бы и не читать, потому что впереди собственно то, что и хотелось вынести на суд строгой критики. Иначе говоря, с этого надо было начинать и закончить, а не морочить голову благородной публике и не склонять по разным поводам имя моего уважаемого оппонента проф. Козловского, предполагая дефицит чего привел его вслед за постмодернистами к столь экстравагантным и далеким от реальности выводам. Итак, последний раз надерись терпения, выносливый читатель. Сейчас речь пойдет о социологии нашего вопроса — «без дураков», «на самом чистом сливочном масле».

Факт «множества цивилизаций» вроде бы неоспоримый и очевидный до рези в глазах. Сегодня об этом уверенно провозглашает постмодернистская социология, вчера в том же самом были уверены Данилевский, Шпенглер, Тойнби, позавчера романтики — Гердер и др. И всё-таки дело обстоит не так, «как на самом деле». Давайте разбираться, и давайте больше доверять реальности — исторической и современной — потому что в конечном итоге, если что и моделирует жизнь со всей возможной адекватностью, так это самая жизнь. Путь этот отчасти уже в XX столетии пройден благодаря усилиям крупных исследователей. На две крупные идеи мы с вами и обопремся. Сейчас только назовем их. Это «осевой принцип» построения современного общества Д. Белла и открытие эпохи «осевого времени» во всемирной истории человечества, — открытие, сделанное К. Ясперсом. Скажу сразу, что эти две идеи к теме «множественности цивилизаций» имеют не просто прямое, а самое настоящее эвристическое значение. Именно то, о чем пойдет речь в этом бурном финише нашего и так затянувшегося рассказа, я с методичным упорством обрушивал в течение года по ходу наших семинарских коллоквиумов на закаленную в социологию голову проф. Козловского. Реакция? Молчание. Молчание многозначно. Хорошо, если это не случай, описанный Салтыковым–Щедринным — про одного губернатора было сказано: «новых идей не понимал, даже не понимал, зачем их надо понимать».

Итак, мы говорим о модели цивилизации, — в которой не просто фиксируется факт множественности цивилизационных миров и при этом теряется интерес (как у постмодернистов и их предшественников) к сущности, природе и «качеству» цивилизации (по принципу «Всё есть цивилизация»). Мы говорим о модели цивилизации как таковой, когда можно ориентироваться, с чем имеем дело — с цивилизацией или с ее имитацией, с цивилизацией или недоцивилизацией, с цивилизацией или с её гибридом, с цивилизацией или с отклонением от неё, или вообще с децивилизацией.

На чем попались романтики и постмодернисты? На факте, на котором, должны попасться все: за всю историю человечества прошло огромное число цивилизаций одна от другой существенно отличающихся. Сегодня даже школьники знают число экцивилизаций и цивилизаций существующих хоть по Данилевскому, хоть по Шпенглеру или Тойнби, или Сорокину, или Хантингтону и далее по списку. И все они различны. Но зададимся главным вопросом: что происходит с этим различием? Дивергируют они или конвергируют, двигаясь к точке, которую можно назвать «современностью» или не по-русски «модерном»?

Начнем с количества. Число цивилизаций сегодня в сравнении с числом цивилизаций, зафиксированным любым «моментальным фотоснимком» в прошлом, заметно уменьшилось. От порядка 20-30 до чуть меньше десятка. Некоторые авторы насчитывают еще меньше. Это как языки народов мира. Из существующих на сегодня пяти-шести тысяч каждые десять дней один язык исчезает. Подавляющее большинство населения мира пользуется всего только 80 языками. К середине текущего столетия могут исчезнуть

половина языков мира. За аналогичной «селекцией» цивилизаций стоит тенденция — тенденция качества, жизнестойкости, выживаемости, адаптации и адекватности ответов этих цивилизаций на вызовы истории и современности. Обычно из присутствующих в Современности больших цивилизаций называют четыре: западная, ближневосточная (арабская), южноазиатская (индийская) и дальневосточная (китайская, японская) (привожу по Г. Померанцу).

И вот теперь зададимся вопросом: может ли Современность, обладающая всеми признаками и достоинствами глобально-сетевой и симультанной (иногда говорят, «мгновенной», синхронной) структуры, стать ключом к сущности цивилизации? Ведь Современность (Модерность) это не просто банальное «сегодня». Такое «сегодня» сопровождает любое историческое состояние человечества. Более того, таких «сегодня» много не только как сменяющих друг друга состояний во времени, их много и как независимых и разбросанных по одновременным, но локальным и несообщающимся между собой культурам и сообществам: для каждого из них тикает *свое* «сегодня». Впрочем, кто дружен с ОТС — общей теорией относительности — тому говорить об этом излишне.

Для нас важен вопрос, можно ли положиться на нашу, теперешнюю Современность как на не скрывающую свою природу, а, наоборот, как самораскрывающую свою сущность Цивилизацию. Иначе говоря, в каком-то смысле истинную картину человеческой цивилизации мы получаем вместе с появлением контуров Глобальной Современности, в которой оптимизированы, отобраны и присутствуют все главные структурные элементы цивилизации — экономический, социальный и культурный.

Мы как бы не зря существовали. В Современности мы живём как в некоторой Большой Истине. Современность — это не хронология. Это — зрелость, а зрелость — это, опять же, как наглядная истина предмета о самом себе. Исторические и социальные явления продуктивно изучать на стадии зрелости, «акмэ», как говорили греки. Всё по той же причине: «Вещи нет, когда она начинается» (Гегель). Поэтому правильно прочитанная Современность — Современность как полноценная Цивилизация — позволяет нам избавиться от многих мифов и спекуляций, нагроможденных обывательским национализмом и постмодернистской квази-ученностью вокруг цивилизационной темы.

Так чему же учит Современность как учитель в отличие от таких «учителей» как постмодернисты и особенно такая фигура в мировой социологии как С. Хантингтон (1927—2008)?

В контексте Современности ясно, что *экономическая* и *социально-политическая* сферы не могут больше оставаться «нерациональными» (как сказал бы М. Вебер), «нецивилизованными» (как сказал бы любой представитель Просвещения) или, как сейчас модно говорить, «примордиальными», сиречь, традиционными, несовременными, нереформированными структурами. Технологическое, экономическое, политическое развитие стран незападной цивилизации сегодня держится в коридоре именно западных цивилизационных стандартов и ценностей. Когда постмодернисты или банальные фундаменталисты называют этот процесс модернизации «вестернизацией», они просто путают одно с другим. Сегодняшний хай-тек и IT-технологии, сегодняшняя финансово-рыночная организация экономики и сегодняшняя парламентская конструкция власти, — всё это считается не только приемлемой, но и состоявшейся реальностью во многих странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока.

Вестернизация — это совсем другое. Она относится только к культуре и означает, действительно, пагубные процессы в массовой западной культуре, которые там начали бушевать в «либеральные» 1960-ые. Эти эксцессы (широкая практика употребления наркотиков, «сексуальная революция», деградация морали, падение традиционных христианских ценностей, утрата социальной роли семьи и т.д.) не случайно получили название «контр-культуры». В первую очередь эта контр-культурная «вестернизация» ударила по самой западной цивилизации и поставила её на грань самого серьезного

кризиса в XX веке. Американский истеблишмент, как известно, поднял «неоконсервативную волну» и, можно сказать, спас ситуацию. «Вестернизация» культуры не произошла, прежде всего, в самой западной цивилизации, потому что произошли бы, то долго ожидаемая и давно прогнозируемая смерть Запада уже наступила бы. Вот как комментирует сегодняшнюю обстановку Фр. Фукуяма: «Сегодня имеются все признаки того, что Великий Разрыв, который совершился с 60-х по 90-ые годы, начинает идти на убыль. Уровень преступности в США и в других странах, в которых она в свое время стала эпидемией, резко упал. Количество разводов, начиная с 1980-х годов уменьшилось, и есть признаки того, что, по крайней мере, в США, число детей, рожденных вне брака, более не растёт. В 1990-х годах доверие к институтам государства укрепилось, и гражданское общество кажется процветающим. Более того, имеется множество иногда даже анекдотических свидетельств возвращения консервативных социальных норм и выхода из моды наиболее крайних форм индивидуализма, которые появились на протяжении 70-х годов. (Ф. Фукуяма. Великий разрыв).

Возможность «вестернизации» культуры, которая произошла и, несмотря на успехи «неоконсервативной революции», продолжается, правда, уже не со скоростью лесного пожара, а скорее в темпе медленного горения торфяника, — эта «вестернизация» культуры, принявшая форму «потреблядства» (так называется один из последних американских социологических бестселлеров), лишь подтверждает известный тезис Д. Белла. Экономика, политика и культура в современном западном обществе управляются различными «осевыми принципами». В этом смысле область культуры достаточно автономна и может принять как благоприятные, так и деструктивные формы для цивилизованного состояния общества. «Авангардизм», «модернизм», а теперь можно добавить, «постмодернизм» как состояние культуры представляют собой довольно небезопасный синдром — синдром гедонизма, индивидуализма, гламурности и «массового потребления». Жизнь современного постиндустриального общества на Западе и на Востоке доказывает, что цивилизационная перспектива этого постиндустриального общества допускает «осевой принцип» независимости культуры, но не в смысле любых форм культуры, но любых, так сказать, «доброкачественных» форм культуры.

Важный вывод, который напрашивается сам собой, состоит, таким образом, в следующем: подлинная западная культура — это не «вестернизация», это серьезная традиция христианских, демократических, либеральных, правовых ценностей. Она не препятствовала и не препятствует *современному* технологическому, экономическому и политическому порядку западной цивилизации.

Ставит ли культура других великих цивилизаций такое препятствие? В соответствии с «теоремой» Д. Белла: нет, не ставит. Это наблюдается и фактически. Все страны Востока в смысле технологической, экономической и социально-политической модернизации осуществляют рецепцию этих элементов западной цивилизации. (Так что критикам «европоцентризма» следовало бы начать рефлексию с этого факта).

Итак, что же остается на съедение сторонникам «множества-премножества цивилизаций» после всех фактов и аргументов Современности? По-видимому, сфера культуры.

Звучит правдоподобно: культура действительно выступает как основополагающий и отличительный принцип всякой цивилизации. Уж, что-что, а культуры и религии у основных современных цивилизаций вроде бы не совпадают, как скажем, не совпадают — кто будет спорить? — картины мира в буддизме, христианстве, исламе.

Но я думаю, что не мне одному давно и сразу приходил на ум вопрос: а кто сказал, что не совпадают? Неужели «учителя человечества» не просто каждый «о своём», но еще и о совсем разном и — не приведи бог — о прямо противоположном друг другу?

Вот здесь то и пора вспомнить мысль К. Ясперса об «осевом времени», которую никто, помнится, не опровергал, потому, видимо, что не ставили сильно под сомнение. Мысль простая. Где-то в период 800 — 200 лет до н. э. сложилась практически одновременно и на

Востоке, и на античном Западе система ценностей и религиозно-философских представлений, которая предопределила единый характер человеческой истории и как бы сохраняет смысл «программы» для глоболизирующей Современности. Или как пишет К. Ясперс: «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности». (К. Ясперс. Смысл истории). Интересные подробности этой темы «осевого времени» можно было бы найти в трудах по сравнительному религиоведению.

Отсюда вывод-вывод, но соображение, достойное серьезного внимания: даже то, что отличает одну современную цивилизацию от другой — культура и религия — в основе своей, «в предельном выражении», в базисной основе является не *различением*, не *дизъюнкцией*, а, скорее, *единством* и *конъюнкцией*. Всё это заставляет думать, что постмодернистский тезис о «множестве цивилизационных миров» неадекватной, а потому и плохой идеей для качественного и сущностного понимания Современности и Истории. Что же касается возможностей постмодернистской парадигмы для описания эмпирического факта культурно-цивилизационного «плюрализма», то она, как, например, у Ф. Броделя имеет, безусловно, свою теоретическую ценность.

И вместо заключения — одно лирическое отступление. У автора этих строк с годами выработалась дурная привычка — писать тексты, как будто бы до автора никто не писал на выбранную тему. Точнее так: поиски единомышленников начинаются тогда, когда эти единомышленники уже не могут помешать автору ошибаться и быть самим собой наедине с собственной самонадеянностью, если только не глупостью. Проще говоря, подтверждение авторских версий начинаются после написания текста. Был такой случай, материал для одной конференции назвал «Культура нездоровья». Понятно, был в меру доволен таким названием. Потом заглянул к Его Величеству «Яндексу». Тот приятно подтвердил, что вроде бы на правильном пути. Уже было: «Ценность здоровья и культура нездоровья в России» в исполнении Л.М. Дробижевой (на тот момент директор Института социологии РАН).

Так, похоже, случилось и на этот раз: после написания предлагаемой статьи обнаружил материал известного историка и политолога А. Л. Янова, нашего соотечественника, работающего в США. Материал Янова называется «Сколько на земле цивилизаций?» Читал и отвел душу. Кто сказал, что единомыслие — всегда грех? В данном случае — подобие радости. Судите сами. Вот, что можно прочесть у Янова в публикации четырехлетней давности. За пространность цитат даже не извиняюсь:

« В то время как в России внезапная победа официального постмодернизма выглядит как простая замена одной догмы на другую, более политкорректную, в западном мире «мультицивилизационное» поветрие вылилось в медленное и мучительное отречение от основ, заложенных столетия назад классиками политической мысли. В первую очередь Аристотелем и Гегелем...

Во времена Аристотеля считалось, что главное отличие свободных людей от варваров — неотъемлемое право «участвовать в суде и в совете», служащее им самой надежной гарантией от произвола властей. Иначе говоря, свобода отождествлялась с политической модернизацией.

Даже в страшном сне Аристотелю не могло присниться такое толкование прошедших событий, в соответствии с которым варварская Персидская империя, пожелавшая в V веке до н. э. стереть с лица земли демократические Афины, являлась всего лишь соседней цивилизацией. На исходе XX столетия теоретическую базу под этот удивительный, с точки зрения Аристотеля, постулат, ставящий на одну доску демократию и деспотизм, подвел американец Самьюэл Хантингтон, провозгласивший, что «каждая из цивилизаций по-своему цивилизована».

Спустя столетия после Аристотеля другой великий европейский мыслитель выразил свое представление о цивилизованности и варварстве культур и народов в строгой формуле: «Всемирная история есть прогресс в осознании свободы» (или «в обретении человеком внутреннего достоинства», как сказал он в другом месте). Из этой формулы Гегеля недвусмысленно вытекало, что народы, не ставящие себе целью обретение внутреннего достоинства, не являются цивилизованными. Или (что, по его мнению, то же самое) остаются варварами до тех пор, покуда этой целью не задались.

Так или иначе, понятие «варварство» исчезло из философского лексикона. С ним отмерли критерии цивилизованности культур и народов. Отныне Персидская империя могла претендовать на статус «цивилизации» ничуть не меньше демократических Афин.

...День, когда европейские мыслители отреклись от учения классиков, настал намного раньше торжества всеобщей свободы. Аристотеля и Гегеля объявили закосневшими в «европоцентризме»

Одно лишь упустили из виду постмодернистские мыслители: вековой деспотизм не проходит даром. Отсутствие политической модернизации, то есть все то, что Аристотель считал варварством, на самом деле законсервировало народы в «средневековом» состоянии. И страшно аукнулось впоследствии. Например, сегодняшним исламским фанатизмом.

[Постмодернистские] ученые труды нанесли почти такой же сокрушительный удар по классической формуле цивилизованности, какой самодержавная революция царя Ивана Грозного нанесла по социально-политическому устройству Москвы времен Ивана III. Не знаю, можно ли еще спасти классическую формулу от этого нового – варварского, если угодно, – нашествия

Классики, как мы видели, очень ясно и точно сформулировали критерии цивилизованности культур и народов. И цель их тоже ясна: объяснить, при каких условиях возможен переход от варварства к цивилизованности.

Хуже того, триумф «мультицивилизационного» подхода привел к тому, что даже террористы-убийцы из какой-нибудь «Хезболлы» или «Аль-Каиды» для нас теперь и не варвары вовсе, а, напротив, гордые защитники своей цивилизации, равноправные участники пресловутого «столкновения», доблестно отражающие нашествие «крестоносцев». И публице даже в голову не приходит спрашивать об их отношении к внутреннему достоинству человека и уж тем более к свободе: сказано ведь, что «каждая из цивилизаций по своему цивилизована».

Приобщая к лону цивилизации архаику древних деспотий, постмодернистское поветрие в истории и политике существенно затрудняет изучение всего, что препятствовало – и препятствует – политической модернизации стран ислама. И тем самым косвенно помогает сегодняшним фанатикам прикрывать свою культурную отсталость особенностями своей веры. Такова, выходит, объективная функция этого подхода: в «мультицивилизационной» темноте все кошки одинаково серы.

Постмодернисты просто не захотели заметить принципиальное различие между универсальной и полной достоинства гегелевской цивилизованностью культур и народов, четко отделяющей свободных людей от варваров, и мутным «мультицивилизационным» подходом, ставящим на одну доску жертв варварского террора и их палачей.

А нужно ли вообще вникать в разницу между классической проблемой перехода от варварства к Цивилизации (с прописной буквы) и постмодернистской идеей множественности «цивилизаций» (со строчной)? Да, нужно. Ведь, повторю, в сегодняшней России это постмодернистское поветрие на глазах трансформируется в новую, «единственно верную» идею, способную завести не только нас с вами, но и наших правителей, ученых и пропагандистов в такой же политический тупик, в какой уже завел однажды марксизм-ленинизм. И было бы неразумно даже не попытаться остановить эту роковую трансформацию. Пока не поздно».

(А.Л. Янов. Сколько на Земле цивилизаций? — "Россия в глобальной политике". № 5, Сентябрь - Октябрь 2006)

Выскажу под занавес нескромное и несбыточное желание — вот бы прочитать нечто подобное у проф. Козловского. Но предвижу, как мой уважаемый оппонент со

снисходительностью опытного софиста говорит: «А с чего вы взяли, что Янов прав. Всё это хрестоматийная ветошь, проеденная молью. Это вам, вам Александр Георгиевич, романтично и уютно в Доме Классики. А мы все живем в реальности, именуемой как Современность – Modernity». Не знаю, за что так обижать Классику. Разве что от большой учености?... Как истинное распознается от ложного? В эпоху уважения Разума знали: "Истина есть мерило самой себя и лжи", В общем, есть над чем подумать...